

**НИКА
КРЫЛАТАЯ**

ИЗМЕНА НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Современный любовный роман

Ника Крылатая

Измена. Начать сначала

«Автор»

2024

Крылатая Н.

Измена. Начать сначала / Н. Крылатая — «Автор», 2024

Стук в дверь и я бегу открывать. Уверенная, что соседская девчонка принесла лекарства. Но стоит распахнуть дверь...— Нет, — шепчу вмиг похолодевшими губами. Напираю на дверь. Хочу захлопнуть ее. Но мой кошмар из прошлого нажимает рукой и я не удерживаю. Отступаю.— Ну, привет, дорогая, — произносит зло. Кривит губы в ехидной усмешке. — И что, стоило оно того?— Уходи, Макс, — шепчу. Боюсь разбудить доченьку. — Уходи. Тебе нечего здесь делать.— Ошибаешься, — прищуривается зло. — Я пришел за своим. Сердце пропускает удар и бухается в пятки. Нет, он не может знать! Не должен! Дочь только моя. Моя!— Здесь твоего ничего нет, — пытаюсь говорить твердо.— Не ври мне, — цедит, чуть наклоняясь ко мне. — Хватит и того, что ты нагло наврала мне пять лет назад!

© Крылатая Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ника Крылатая

Измена. Начать сначала

Пролог

На телефоне звенит напоминка и перевожу взгляд с экрана ноута на него. Пора дочке давать лекарства. Тру глаза. Туда будто песка насыпали. Я за работой с пяти утра. Время уже девять. Но если не сдам вовремя – меня просто уволят.

Мать-одиночка с часто болеющим ребенком – это не предел мечтаний работодателя. Но я цеплялась за эту работу зубами. Если потеряю, найти новую в нашем городке будет сложно. А тут я держусь почти на честном слове.

Вот и сидела до двух ночи, потом поспала немного и опять за работу. Пока дочка спит под действием лекарств. От усталости меня ведет. Но уже начался рабочий день, и я должна быть на связи.

Встаю и щелкаю кнопкой чайника. Которая уже по счету чашка кофе? Бодрящий напиток больше не бодрит. Беру листок с назначениями. Сверяюсь, что нужно дать.

– Вам климат не подходит, – всплывают в памяти слова врача. Усталая женщина смотрит с пониманием. Нет, она не издевается, она рекомендует. Но для меня ее слова – настоящая издевка. – На море бы. Или хотя бы в санаторий. Тогда бы и болела меньше.

– Я... подумаю, – говорю и стискиваю зубы. Может быть, на одного санаторий какой я бы еще и потянула. Но мне надо будет ехать с дочерью. А это сразу с работы увольняться. – Может, пока в поликлинике физиолечение?

– Обязательно, – поднимает на меня взгляд, отрываясь от написания рекомендаций. – Но это все дает очень небольшой положительный эффект. А пока вот, – протягивает мне лист.

Пробегаюсь взглядом по назначению. Ничего нового.

– В принципе, что делать – вы знаете, – врач поднимается. – Бывают такие детки. Болезненные. Но может еще перерасти. Ну а пока больничный вам на две недели, а там посмотрим.

Опять больничный... Надо звонить начальству. Выслушивать о себе много интересного и неприятного. Да, по закону мне положено, но... По факту же таких, как я, стараются в коллективе не держать. Было бы проще, если бы было на кого оставлять дочку.

Но я мать-одиночка. Причем в моем случае – совсем одиночка. Без родных и близких. Иногда помогают соседки. Но у всех свои заботы.

– Спасибо, – благодарю врача, провожая до дверей. – До свидания.

– До свидания, – уходит, а я иду проверять домашнюю аптечку.

Беглый осмотр говорит, что нужно идти в аптеку. В комнате спит больная дочка. Как ее оставить? Беру телефон и пишу соседской девчонке. Она почти никогда не отказывает. Они хорошо ладят с дочуркой, несмотря на десять лет разницы. Моя егоза считает ее старшей сестрой.

Пишу сообщение. И почти сразу получаю ответ. Сходит, как из школы придет. Забежит только за деньгами и рецептом. Того, что есть, нам хватит.

Ближе к вечеру приходит, берет список, еще требовала с меня, что купить из продуктов и умчалась. Пользуюсь тем, что все процедуры мы провели и дочка спит, выпив жаропонижающее. Сажусь за ноут, погружаясь в работу.

И совсем не настораживаюсь, когда раздается стук в дверь. Спешу открыть, даже не глядя в глазок. К нам никто не должен прийти, кроме моей добровольной помощницы.

Распахиваю дверь и замираю. Сердце падает в пятки. Смотрю и глаза у меня расширяются от шока и ужаса.

- Нет, – шепчу и нагибаю на дверь, чтобы захлопнуть.
- Да, – звучит холодно и безразлично. Дверь вместе со мной просто сносит...

Глава 1

– Добрый день, господин Верховцев, – в кабинете меня встречает довольно взрослая женщина, затянутая в деловой костюм. Ее идеально к каре лежит волосок к волоску. Выдерживает паузу и немного мстительно добавляет: – Младший. Михаил Дмитриевич вас примет.

Ты гляди, какая. Примет меня. Будто Медведев может мне отказать. Хотя да, этот может. С него станется. Однако не ожидал, что у него такая секретарь. Она сканирует меня взглядом-рентгеном и выходит из-за своего стола. Твердым шагом проходит к двери и распахивает.

– Михаил Дмитриевич, к вам господин Верховцев-младший, – произносит, и я четко улавливаю злорадные нотки.

– Ну пусть проходит, раз пришел, – басит Медведев.

– Прошу, – секретарь улыбается профессиональной холодной улыбкой.

Как-то отвык от такой манеры. Обычно секретарши сразу подсакивают, выпрыгивая из трусиков, и готовы всячески услужить. Тут же не секретарь – глыба. Церберша просто.

Прохожу мимо.

На меня взгляд Медведев переводит, когда за спиной слышу легкий щелчок закрывшейся двери.

– Какие люди-и, – тянет ехидно. Его улыбка становится едкой ухмылкой. – Верховцев-младший. Один. Без охраны. Чудеса-а. И как мамочка-то отпустила?

Откидывается на спинку массивного кресла, смотрит на меня, прищурившись. Настоящий медведь. Но он лучший в своем деле. У него железобетонная репутация.

– Ну садись, чего маячишь? – кивает на кресло. – Слушаю.

Сажусь в кресло. Выкладывать свою проблему не очень хочется. Но другого пути нет. Другого быстрого и конфиденциального пути нет. Сам я этим заниматься не могу – привлеку внимание. Остается Медведев, который разглядывает меня, не скрывая ехидства во взгляде. Выдыхаю и произношу:

– Нужно найти девушку.

– О как, – Медведев прищелкивает языком. – Так попроси службу своего папочки. Там тоже неплохие ребята работают. Малость неумные, но в целом – вполне сойдет.

– Медведев, ты издеваешься? – едва не вскакиваю из кресла. – Если бы наша СБ могла все решить, я бы приказал им.

– То есть ты признаешь, что я работаю лучше? – спрашивает нагло.

– Признаю, – отвечаю, хоть мне это и не нравится. – У тебя получится это быстрее. И тише. Все, твое чувство собственной значимости удовлетворено?

– Ага, – довольно лыбится. – Не думал, что когда-нибудь ко мне обратится кто-то из Верховцевых за помощью. Расценки ты знаешь. А для тебя – плюс двадцать процентов сверху.

Скриплю зубами. Поражаюсь наглости Медведева. В курсе их давнего конфликта с начальником нашей службы безопасности. Но Авдеева я и правда подключить не могу.

– Согласен. Не проблема, – присвистывает. – Куда ты потратишь такую прорву денег? – спрашиваю, усмехнувшись.

– Так жена. Детей трое, – вздыхает Медведев. – Дети дорого обходятся. Это тебе не моделькам колечки дарить. Тут все серьезно: здоровье, образование, развивашки всякие.

Слушаю его и поражаюсь. Когда успел детьми обзавестись? Да еще и трем?

– Ну, я жду, – подгоняет меня нетерпеливо.

Выдыхаю и прикрываю глаза. С закрытыми глазами говорить легче. Откидываюсь на спинку кресла. Вспоминаю. И начинаю говорить:

– Девушку зовут Богданова Ульяна Викторовна. Сейчас ей должно быть двадцать четыре года. Рост чуть выше среднего, глаза карие, волосы кудрявые, каштановые. Но девушка легко может изменить внешность.

– Фотку бы еще, – произносит Медведев. Открываю глаза и встречаюсь с ледяным цепким взглядом светлых глаз. У этого человека взгляд жуткий.

– Есть. Одна, – достаю телефон и лезу в файлы. Это фото раскопал я совершенно случайно. Оно сохранилось чудом, не иначе. Я все снес. Удалил. Вычеркнул. Стер из памяти не только телефона, но и своей. Будто этой змеи некогда и не было в моей жизни.

Выдрал эту заразу с корнем из своего сердца. Милая и добрая, честная и преданная Ульяна на проверку оказалась лживой тварью. Расчетливой стервой, обманом влезшей в мою постель. Все было игрой. Хитрым расчетом. А как натурально изображала недотрогу!

Стискиваю челюсти. Столько времени прошло, но стоит только вспомнить... Как крышу рвет. Сносит начисто. Пальцы так и горят приложить их к тонкой шейке и с силой сжать. Красивая. Чистая. Невинная. Просто ангел. Это я тогда так думал.

На самом деле трепетная лань оказалась расчетливой хищницей.

Почти обвела вокруг своего тонкого пальчика. Знатно посмеялась надо мной тогда. Только ее игру тогда вовремя просекли.

Да и черт бы с ней. Но всплыли обстоятельства и всколыхнули всю муть болотную.

И теперь я просто жажду увидеть эту змею. Она задолжала мне разговор. Тогда ей удалось ускользнуть и скрыться. В этот раз не выйдет.

Пересылаю фотку Медведеву. Смотрит на экран.

– Молоденькая какая. Девчонка совсем. Сколько ей? Лет семнадцать-восемнадцать? – спрашивает, хмурясь.

– Девятнадцать. Это фото сделано почти пять лет назад. Другого нет. Найдите ее.

– Что еще есть? Номер телефона? Место учебы? Где раньше жила?

– Номер она сразу же сменила. Копии ее паспорта у меня тоже нет, – я начинаю злиться. Глупые вопросы бесят. – Специалисту такого класса и одного фото должно быть достаточно.

– Зачем она тебе понадобилась? – задает простой вопрос, на который у меня нет ответа.

– А зачем тебе это знать? – подаюсь вперед, пристально вглядываясь в лицо Медведева. Он не спускал с меня глаз в ожидании ответа. – Михаил Дмитриевич, я плачу за то, чтобы ты нашел Ульяну, а не за сеанс психоанализа.

– Хорошо, – соглашается. – Реквизиты для оплаты возьмешь у Тамары Юрьевны.

– Очень строгая женщина, – пытаюсь пошутить. – Я ее даже опасаюсь немного.

– И правильно делаешь, – хохотнул Медведев. – Ладно, – вдруг хлопает ладонью по столу. – Давай прежний номер беглянки. Может, удастся вытащить что-нибудь у оператора.

Диктую номер. Медведев выпытывает из меня все, задавая вопросы. Оказывается, я помню больше, чем думал. Слежу, как водит ручкой по листу бумаги. Почему-то думал, что будет делать электронные пометки.

– Я сообщу, как только что-то станет известно, – Медведев вновь поднимает на меня глаза. Смотрит непроницаемым взглядом. – Я сообщу. Можешь идти.

– Ты не очень-то вежлив с клиентом, – поднимаюсь из кресла.

– Слушай, Максимилиан Андреевич, – легкость слетает с Медведева, он становится серьезным, – я берусь за это дело. Что тебе еще надо? Не нравится, у твоего папочки своя служба безопасности. Иди к ним. Пусть ваши псы берут след. Я вообще удивлен, что они еще не притащились. Как твой царственный зад и без охраны?

Издавается. Издавается каждым словом. Но придется промолчать. Черт с ним. Мне нужно найти Ульяну.

– Мой отъезд был весьма неожиданным, – ушел я от прямого ответа. От охраны я попросту свалил. Если отцу доложат, с кем я встречался, он будет очень зол.

А это дело я предпочитаю держать в тайне. Мне нужно разобраться самому. Докопаться. Не люблю подвисшие дела.

– Свалил, значит, – хохочет Медведев. – Фиговые у тебя няньки.

– В няньках не нуждаюсь, – веселье Медведева начинает злиться. – Ульяну нужно найти. Тихо. И чтобы ни одного слова посторонним. У тебя репутация, Михаил Дмитриевич.

– Моя репутация – не твоя забота, – отрезает Медведев. – Как будут новости, я позвоню.

Киваю и иду к дверям.

– Всего хорошего, господин Верховцев-младший, – секретарь улыбается холодно-вежливо.

– До свидания.

Секретаря Медведева я оценил. Цербер натуральный. Такая не только не будет шашни с боссом крутить, но и других разгонит. Жена явно не дергается на этот счет. Продуманный черт, что тут сказать.

Прохожу по коридору к лестнице. Спускаюсь. Интерьер солидный, деловой. Еще и камер понатыкано, я уверен. Выхожу во двор. Такси ждет. Еще бы, я этому водиле компенсацию пообещал.

– Обратно, – команду, усаживаясь на заднее сиденье.

– Да без проблем, – лихо улыбается таксист и выруливает со двора.

Я не сказал ему, чтобы помалкивал об этой поездке. Это только возбудит ненужное любопытство. Да и денег дал не пачку. Чуть более жирный клиент, чем обычно. Даже если захочет меня описать, это будет трудно. Черная куртка, будь она хоть сто раз брендовая, просто черная куртка.

Да и ловил я его не через приложение. Расплатился наличкой.

Такси оставляет меня возле одного из бизнес-центров. И я выхожу в черно-серую массу людей. Прохожу через территорию на другую улицу и опять останавливаю машину.

На этот раз выхожу за квартал от стеклянных башен, сверкающих на солнце. Прогуливаясь не спеша. Прохожу на территорию и делаю вид, что только что вышел. По телефону тоже не отследят. Есть методы.

Набираю водителя

– Николай. Едем в офис. Подгони машину и жди. Я кое-какие бумаги забыл.

– Слушаюсь, Максимилиан Андреевич.

Поднимаюсь в квартиру и беру портфель. Пора действительно заняться делами холдинга. Скоростной лифт несет меня вниз.

Теперь меня поджидает хищный черный седан. Охранник предупредительно распахивает дверь. Действительно, папины телохранители что-то расслабились. Я тут прогулялся по Москве, а никто и не чухнул, что объект ушел в самоволку.

Сажусь в салон и откидываюсь на спинку сиденья. Кожа, дерево, запах богатства и власти. И тишина. Не слышно практически ничего. Не то что в такси. Там пахло бензином, табачным дымом и какой-то вонючкой. А уж какая лихая музыка играла!

В тишине салона мысли опять сворачивают на Ульяну. Просто змея подколотная. А ведь я видел с ней свое будущее. Жениться собирался.

Обычно охотницы за кошельками раскрывались быстро. А эта целый год водила меня за нос. И ведь не прокололась ни разу!

В какой-то мере такой талант даже вызывает долю восхищения. Весьма целеустремленная девочка. Сжимаю правую руку в кулак. Вскипает злость. Ведь все бы у нее получилось, но жадность... Жадность пересилила здравый смысл.

Ульяна уверовала в свою победу в этой игре. Когда же ее прижали – скрылась. Но пару лямов все-таки прихватила. А ведь могла обладать всем.

– Лживая гадина, – срывается шипением с моих губ. – Раздавлю. Уничтожу.

Я прижму ее так, что все выложит. Всю правду. Подлая тварь в красивой и нежной обертке. Медведев ее обязательно отыщет. Он спец. Профи.

Тогда я просто вычеркнул змею из своей жизни, и, как показало время, зря. Давить надо было еще тогда.

Машина тормозит и дверь распахивается. Все мысли о мести загоняю в дальний угол. Оставляю на потом. А пока нас ждут дела.

Лифт уносит меня почти под облака. Двери распахиваются и куколка, которая тут якобы секретарь, выскакивает из-за стола.

– Максимилиан Андреевич! – улыбается, демонстрируя чудеса стоматологии. Ярко-алые губы вызывают лишь желание стереть эту мерзость. Бежит на высоченных шпильках мне навстречу, как только не падает? – Ваш кабинет готов. Борис Яковлевич вас ждет.

– Мне кофе, – бросаю коротко. – И через десять минут Бориса Яковлевича ко мне.

Прохожу мимо, игнорируя попытки продемонстрировать мне все прелести. Дешевка, хоть и вбухала в себя кучу бабла. Ульяна была совершенно не такой. И это тоже бесит.

Бесит невероятно, что все равно спустя столько времени я сравниваю всех женщин с ней. И все они проигрывают.

Глава 2

– Ульянка, бегом к начальнику! – в кабинет заглядывает Олеся.

– Зачем? – поднимаю на нее удивленный взгляд. Ладони мгновенно покрылись холодным липким потом.

Пожимает плечами и ничего не отвечает. Закрывает дверь.

Выдыхаю. Надо идти. Хотя я уже знаю, что мне скажет наш начальник. Вряд ли я ошибусь, предполагая, что это будет нечто нехорошее.

– Уль? – поворачиваю голову к коллеге. Кира смотрит обеспокоенно, остальные девочки отводят взгляды. – Что случилось?

– Все хорошо, – отвечаю. На самом деле ничего не хорошо.

Беру телефон и иду в кабинет начальника. Иван Федорович не любит, когда его заставляют ждать. Почти бегу по коридору. Потом по лестнице на второй этаж. Секретарша кивком указывает на дверь. Стучусь.

– Можно? – осторожно спрашиваю, приоткрыв дверь.

– Проходи, – бросает начальник, не отрывая взгляда от бумаг, которые подписывает.

Прохожу и останавливаюсь за пару шагов до его стола. Молча стою жду, пока на меня соизволят обратить внимание. Проходит минут пять, прежде чем Иван Федорович соизволяет начать свою речь.

– Ульяна, ты опять принесла больничный лист, – начинает без предисловий. – У тебя очень много пропусков.

– Но по закону положено, – лепечу нелепое оправдание. Какой закон? В небольшом провинциальном городе работы мало, все держатся за свои места руками, ногами и зубами.

– Тебя любят клиенты, иначе бы уже уволил, – продолжает начальник жестко. Опускаю голову и начинаю оправдываться:

– Я работаю на больничном. Все заявки вовремя сдаю.

– Это тебя и спасает, – его голос звучит очень недовольно. – Но ты помнишь же, что если вдруг накосячишь, я тебя выкину?

Киваю. Взгляда от пола не поднимаю. Прав Иван Федорович. На больничный я ухожу часто. Дочка болеет. Постоянно цепляет простуду в садике. Блезненный ребенок. Так что вот такие выволочки я терплю молча.

Мало того, что я мать-одиночка без родни, так еще и недоучка. Не вывезла я ребенка и учебу разом. Но я обязательно доучусь. Ксюшенька растет и врачи уверяют, что когда станет постарше – будет меньше простывать. Из каких доходов я буду оплачивать учебу, пока не думаю. Иначе сорвусь в депрессию. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Ты знаешь, сколько на твое место желающих найдется? – продолжает кошмарить меня начальник.

Опять просто киваю. Ему нравится утверждаться в своей важности, третируя более слабого. За глаза Ивана Федоровича зовут Боровом. Потому что он невысокий, полный, с маленькими бегающими глазками и толстыми щеками.

И каждый раз, когда он меня вызывает на ковер, я сдерживаю себя, чтобы не огрызнуться. Я не могу себе позволить этого. Тогда вылечу с работы как пробка из шампанского. А мне сюда добираться удобно, дресс-кода почти нет и зарплата приемлемая. Еще большой плюс в том, что заявки я могу собирать и из дома.

– А вот раз знаешь, то и работай хорошо. Только пусть хоть один клиент на тебя пожалуется! – грозит мне пальцем. – И уволю. Свободна!

Все, отчитал как школьницу. Киваю и ухожу. Боров любит запугивать. Уже сколько девчонок увольнялось в слезах. Строит из себя важную птицу. А мы просто оптовая фирма, которая перепродает бытовую химию и всякие мыла и шампуни.

Банно-ванное и мыльно-рыльное – так любит продукцию называть Кира.

Вот и продаем это все магазинам и мелкооптовикам, всяким ипэшкам. Не о таком я когда-то мечтала. Амбиции были, стремления... Но жизнь распорядилась иначе. Медленно бреду в сторону входа в офис. Там стоит кофейный автомат. Кофе делает невкусный, но сойдет.

Навстречу мне бежит Олеся с кипой бумаг.

– Опять ругал? – спрашивает сочувственно.

– Как обычно, – пожимаю плечами.

– Ну хоть не уволил, – неискренне улыбается и спешит дальше.

Я же подхожу к автомату и кидаю монетки. Машина жужжит и выплевывает в стаканчик мою порцию кофе. Подхватываю стаканчик и бреду в кабинет. Работать еще полдня, а настроения никакого.

– Опять грозился уволить? – спрашивает Кира. Наши столы стоят рядом.

– Так пока мы тут пашем как лошади, – подает голос Света, – она на больничном сидит.

– Я работаю, – резко отвечаю Свете. – Ты так говоришь, будто за меня заявки обрабатываешь.

– Еще чего не хватало, – утыкается опять в свой монитор. Но Света не будет собой, если не выпустит ядовитую стрелу: – Надо было думать, прежде чем рожать. Научись предохраняться, потом уже лезь во взрослую жизнь.

– Вот стерва, – тихо шепчет Кира. – У меня шоколадка есть. Будешь? – предлагает.

– Давай, – благодарно ей улыбаюсь. Пару кусочков к отвратительному кофе будут кстати.

– Не обращай на нее внимания, – опять шепчет Кира, роясь в ящиках своего стола. –

Вот, держи, – протягивает мне открытую шоколадку.

– Спасибо, – беру пару кусочков.

Светка стервоза. Любит приукрасить свою важность. А еще ей доставляет удовольствие ругань. Характер такой – склочный. Вот только меня зацепить у нее не получается. Я не ведусь. Ее обидные слова жалят, но я не показываю вида.

Ей все интересно, кто отец моей дочери. И если бы она только знала... Но этого я никому не скажу. Это большой секрет, который я никому не открою. Моя тайна, которую я тщательно охраняю. Я даже отчество дочке дала наобум, потому что имя у ее отца очень редкое.

Дурочка молодая была, повелась на красивый фасад, за которым была черная гниль...

Так, об этом думать не стоит. Это просто бессмысленно. Есть только здесь и сейчас, нужно идти вперед, а прошлое пусть останется в прошлом.

– Лучше бы кофеварку на кухню купили, – Кира смотрит на стаканчик и морщит точеный носик. – Так нет же, такая гадость, еще и платно.

– Да ну сейчас, – усмехаюсь. – Только если скинуться и самим в отдел взять.

– Ага, а потом будет ругань за кофе, сахар, молоко, – Кира кривится сильнее. – Нежизнеспособная идея.

– Ну вот, сама все понимаешь, – допиваю кофе и закусываю его кусочком шоколадки. Все, пора возвращаться к работе. Там уже вся почта полная. Бросаю еще один взгляд на Киру и отворачиваюсь к монитору.

Мы с ней ровесницы. Только вот она веселая, легкая, живая. Я же чувствую себя намного старше своих лет. Кира еще верит в любовь, она не обжигалась, не сгорала дотла. А потом не собирала себя по кусочкам. Она легко знакомится и часто меняет парней. Ищет того самого.

Не знаю, что ей и сказать. Мне казалось, что того самого я встретила. Лучше бы не встречала! Потому что терять очень больно. И парой ночей рыданий в подушку не обойдешься.

Мне понадобилось несколько месяцев. Взяла себя в руки только потому, что врачи пригрозили выкидышем или осложнениями у ребенка. Настойчиво рекомендовали сделать аборт.

Только это и заставило меня включить мозги и взять себя в руки. Но было поздно, теперь на моей девочке сказываются последствия дурости ее матери. Прости, крошка! Мама была очень юной и очень глупой. А теперь страдаешь ты.

Но я прилагаю все усилия, чтобы это исправить. Тщательно выполняю все рекомендации врачей по питанию, прогулкам и режиму. Не знаю, насколько помогает. Но уверена, без этого было бы намного хуже.

Все, время на самокопание кончилось. Погружаюсь в работу. Что-то надо исправить, одни хотят заказать больше, другие меньше, у третьих перепутали накладные...

Бывают у нас дни аврала и дни затишья. Но лучше побольше работы, потому что часть зарплаты идет процентом от заявок. И когда заявок нет, то и зарплата – копейки.

Поначалу от такого темпа мне было страшно. Я не ориентировалась. Не понимала, что от меня хотят. Долго искала нужное. Но все приходит с опытом. Привыкла, выучила, изучила. Оказалось, что ничего сложного, нужны только усидчивость и внимательность.

И того, и другого у меня в избытке. А еще есть стимул. И парочка накрепко выученных уроков. Первый и самый болезненный из которых: надеяться можно только на себя.

Часы медленно отсчитывают рабочее время и ровно в шесть все дружно срываются со своих мест. Уйти на минуту раньше никто и не думает. Боров тут же узнает и будет мозги выносить.

Разбегаемся все в разные стороны. Преимущество маленьких городков в расстоянии. До садика мне всего двадцать минут на автобусе. Да и толкучки в транспорте меньше. После Москвы мне улицы казались пустыми.

Но это же и минус. Здесь каждый кого-то знает. И мое появление вызвало огромный интерес. А еще здесь сложно с медициной. Но зато я спряталась. Теперь мне кажется, что это не было таким уж умным решением. Но тогда... Я искала город, где бы меня не стали искать. Подальше от столицы. Переехав сюда, принялась зализывать раны.

Рыдала днями и ночами, пока не узнала, что беременна. А когда узнала, стало еще хуже. Накатил просто жуткий страх. Боялась не справиться.

Сколько раз в день рука тянулась к телефону, чтобы написать, сообщить! Глупое сердце шептало, что, может, ребенок его вернет. А разум опускал на землю:

– Скорее, отправит на аборт. Таким не нужны дети от неизвестно кого. У таких дети от породистых кобылок с родословной. Собственно, тебя на такую и променяли.

Долго обида жгла сердце каленым железом. Боже, какая я была наивная дуручка! Верила каждому его слову! Смотрела на него с обожанием. Теперь и не сомневаюсь, что сочинил бы сказочку про необходимый брак по расчету. А я бы была типа для любви. Любовница по простому.

Уговорил бы? Наверное. Верила больше, чем себе. Со всем пылом первой настоящей любви. Чувство, которое подарило крылья, сожгло их и ввергло меня в адскую пучину боли и страданий.

Когда не хотелось ничего. Ни есть. Ни пить. Ни вставать. Я сбежала из Москвы и спряталась. В глубине души ждала, что найдет. При его возможностях – это не проблема. Один щелчок пальцев. Не захотел.

У него была другая. Красивая. Холеная. Богатая. Подходящая ему по статусу. Идеальные фото из ресторана, на яхте... И тогда и накрыло осознанием – не нужна. Не будет искать. Даже в качестве любовницы не нужна. Врал каждым словом, каждой буквой.

И я ревела днем и ночью. Пока не стало совсем плохо. Пришлось даже скорую вызвать. Увезли в больницу и диагноз: депрессия и беременность.

Сейчас смешно и грустно от себя самой тогдашней. Боже, меня бы точно заставили сделать аборт! Но принять и понять это тогда было очень сложно. Ведь он же отец! Отец должен знать, что у него появится ребенок.

Глупая идеалистка. Страшно наивная.

Ничего, добрые люди помогли. Разбили розовые очки.

«Не надумывай себе лишнего. А это компенсация»

Эта фраза прилагалась к крупной сумме. Меня поставили на один уровень с эскортницами. Очень дорогими. Можно сказать – элитными. Как в дерьмо окунули.

И этому человеку я порывалась сообщить о ребенке! В тот момент и решила твердо – нет. Ни-за-что. И ни-ког-да. Он не узнает, что у него будет ребенок. Только моя кроха. Только моя.

Глава 3

– Хватит! – командую себе мысленно.

Хватит ковырять эту рану. Эти воспоминания не несут в себе ничего хорошего. Они ядовиты. Они способны ввергнуть меня в пучину боли и страданий. Отравить все мои достижения. Обесценить их.

Вот и моя остановка. Выхожу. Могу себе позволить не нестись галопом, потому что тут идти близко. После шума и суеты столицы жизнь в этом городке казалась медленной. Сонной какой-то.

Теперь я привыкла к этой размеренности. И даже научилась наслаждаться ею. Вся бурная жизнь, которой я и вкусь-то не успела, осталась в сверкающей столице. Прививка оказалась весьма действенной. За все годы здесь я ни разу не сходила в клуб или ресторан. Хотя немногочисленные приятельницы и приглашали. Даже обещали, что будет с кем оставить дочку.

Сейчас мой круг общения – коллеги да молодые мамочки. Все интересы вращаются только вокруг моей дочурки. Нас с ней только двое в этом мире. Никому мы оказались не нужны.

Подхожу к садику. Здравуюсь со знакомыми мамочками. Прохожу в яркое здание в нашу группу.

– Мамочка! – Ксюша маленьким ураганчиком несется мне навстречу.

Непослушные кудряшки весело прыгают. Опять все хвостики развалились. У моей малышки темные выющиеся волосы. У меня почти такие же. И у ее отца.

Кидается мне на шею. Целует в щеку.

– Ма, вся плисеска лазвалилась, – тянет себя за прядку. Отпускает и волосы опять скручиваются в спиральку. – А Юлька сказала, что я балашек! Обзывается. Потому что Виталик меня любит!

Тараторит о своих важных делах. Рассказывает о происшествиях. В четыре года они такие смешные! По сто раз на дню ссорятся и мирятся. Каша кажется жутким кошмаров, а дневной сон вообще за гранью добра и зла.

– А я казала, она сама балашка! – продолжает моя бойкая малышка. – А я класивая!

Характер у нее от отца. Боевой. Пробивной. Она быстро ориентируется в ситуации. Да и за словом в карман не лезет.

– Барашки милые, – улыбаюсь ей, подавая миниатюрные веселые кеды. – Но обзываться все равно нехорошо.

– Ай, – отмахивается маленькой ручкой как-то по-взрослому. – Пусть забилает. Виталик все лавно иглать в куклы не хочет.

Едва сдерживаю смех. Боже, четыре года! А уже такая деловая!

– Ма! – хлопает себя по лбу. – Не лугайся, позалуста. Я опатку сломала. Я плосто сильно копала басую яму. Но ты зе меня любись? Да?

– Люблю, – все-таки смеюсь. – А лопату новую завтра куплю.

– А че завтла? – ну вот, вся в отца. Надо – сразу дай. – Че не сегоня?

– Сегодня уже вечер, – начинаю объяснять. – Я устала после работы. Завтра в обед зайду в магазин и куплю тебе новую лопатку. А сейчас нам нужно домой. Будем готовить ужин.

– Ну ла-адно, – с деловым видом дает добро эта королевишна. – Ма! – возмущенно. – Там пальчик, – резко поднимает левую ножку, едва не приложив меня по подбородку. – Поплавь!

– Так? – поправляю кед. Одобрительно кивает.

– Пока! – кричит на всю группу и машет рукой. – До завтла!

Прощаемся с воспитательницей и другими детками и их родителями. Потом Ксюша берет меня за руку и тянет на выход. У нас перерыв между простудами, и моя дочка наслаждается

каждым днем в садике. Она легкий и общительный ребенок. Ей нужно много движения и общения, но часто приходится быть дома.

– Ма! – дергает меня за руку, привлекая внимание. – А засем мы днем спим? Лусе бы иглали. Спать нуэно ночью.

– Маленьким деткам нужно спать и днем. Чтобы отдыхали и росли, – привожу аргумент в пользу дневного сна. Я бы с удовольствием днем поспала. Садик – самое беззаботное время.

– Я босяя! – тут же звучит возмущенно. – Мне сетыле!

И для убедительности показывает четыре пальца.

– Маенькая Соня у тети Кати. Ей два, – загибает два пальца. – А я босяя. Я умею ситать и писать. Да, мама? Умею?

– Умеешь, – смеюсь. Дочкиной писаниной разукрашены все обои. У нее всегда нечаянно листочек закончился и фломастер сам на обоях нарисовал. Маленькая шкода.

– Ма, – опять дергает меня за руку. – А этот дядя сто, спал сеими днями? – маленький пальчик указывает на высокого мужчину, идущего нам навстречу. – Дядя спал и спал, и такой вылос? Дядя сплун, сто ли?

Детская логика – вещь непредсказуемая. Что-нибудь ответишь и сама забудешь, а кровиночка потом как сказанет!

– Ма, а ты кудлявая, потому что я кудлявая? – высокий дядя уже забыт. А я подзависла на слове кудлявая. Коварные сложные буквы даются еще плоховато. Иногда проскакивают уже довольно чисто, но если Ксюша торопится. А торопится она почти всегда, то бывает, что и слоги местами меняет. Иногда получается очень неловко.

– Наоборот. Это ты кудрявая, потому что я кудрявая, – объясняю. – Ты же моя доченька.

И папа твой кудрявый. Но этого не произношу. Только он не барашка, он козел самый натуральный. Парнокопытное рогатое!

– Ааа, наibalот. Понятно, – выдает глубокомысленно. Да, слово наоборот нам дается отвлратительно. – Ма, а почему зеленая тлава – зеленая?

Любопытный ребенок. И любознательный. Миллион вопросов каждый день. Для нее каждый новый день – веселое приключение. А я стараюсь поддерживать в ней эту любознательность. Вот только как уберечь ее от ошибок? Только если запретить...

Я знаю, что ошибки и падения обязательно будут. Ко всему подготовиться невозможно. Вот только когда моя доченька решит пойти в самостоятельную жизнь, я ее поддержу. Очень надеюсь, что не совершу такой ошибки, как мои родители...

– Ма, вот бы динозавлы были! – продолжает болтать моя егоза. – А давай купим май литл пони? Тока зивую! Настоясю!

– Ксюнь, а где она у нас жить будет? – спрашиваю и внимательно смотрю на дочку.

– С нами, – заявляет уверенно. – Они умные. Со мной спать будет.

Фантазии уносят Ксюшу, а я только и могу, что радоваться, что эти пони выдуманные. Только пони мне в квартире и не хватало!

– О, гамазин, – отвлекает меня от мыслей. – Ма, хлеб нузен же, да?

И хоть хлеб дома есть, мы все равно заходим. Ксюшеньке очень нравится с важным видом ходить вдоль рядов и выбирать продукты. Удивительно, но она не складывает в корзинку все подряд. Выбирает.

– Сипсы вледно, – проходит мимо полочек со всяким перекусом. – Калолии, – вздыхает возле сладкого. – Ма, одну зе мозьна?

– Можно, – киваю.

Дети как губки – впитывают все. И сколько ни читай умных книжек, все равно ошибки будут.

Спустя минут двадцать выходим из магазина, купив одну шоколадку, сок и немного фруктов. Ксюше нравится сам процесс, особенно когда покупки нужно пробить на кассе. Деловая мелкая всегда с важным видом здоровается и прощается.

Очень общительная, коммуникабельная. Но из-за постоянных простуд часто сидим дома. Ксюша капризничает, ей меня мало. И когда ходит в садик – уходит в отрыв.

Всей душой верю словам врача, что с возрастом перерастем. Простуд станет меньше, и моя красавица сможет пойти в танцевальный кружок. Или на рисование. Да хоть куда! Лишь бы ей нравилось и было интересно.

Не для достижения каких-то умопомрачительных результатов, а для развития. Я сама всегда мечтала рисовать, но отец отрезал – нет. Считал это мазней и баловством. А расходы на всякие кисти, краски и холсты – пустой тратой денег. Пусть богатые бездельники этим занимаются. А мне нужно учиться делать то, что пригодится. Что полезно.

Танцы? Дрыганье ногами! Куда потом? Только в клубе прыгать, развлекая гостей и позоря родителей. Плавание – дорого. Да и зачем? По курортам все равно не разъезжают. А для речки побултыхался и пойдет.

Готовка. Стирка. Уборка. Это полезно. Это не пустая трата времени.

Контроль полный. Почти тотальный. До конца одиннадцатого класса родители проверяли оценки и выбирали, с кем общаться. Только одобренные подруги. Естественно, никаких парней.

Нет, такой жизни я своей малышке не желаю. У Ксюшеньки будет нормальное детство, а не квест на выживание.

Я стараюсь по мере возможности одевать доченьку в красивые наряды. Моя маленькая деловашка вполне сама справляется с выбором одежды. Смешно морщит носик, пристально разглядывая свой гардероб. Который у нее сильно больше моего. Да и зачем мне гора нарядов? Ходить я все равно никуда не хожу. Только на детскую площадку, в магазин да в поликлинику. А это явно не те места, куда ходят в вечерних платьях.

Вот и сейчас она одета в джинсики с вышивкой, яркую футболочку и джинсовую курточку. Топают маленькими ножками в ярких кедах по шербоному асфальту. Через плечо перекинута крошечная сумочка. А в руках пакет с покупками.

Это она так помогает. Несет свой маленький сок и шоколадку.

– Ма, я как ты! – заявляет довольно. – В гамазине была.

– Да, мы были в магазине, – киваю одобрительно. – А что мы купили?

Доченька пытается вспомнить и перечислить все. А я думаю о том, что ей не нужно быть как мама. Мама оказалась жутко наивной дурой. Не знаю, бог отвел или ума хватило не сделать аборт.

Вот мое кудрявое счастье – топают рядом. Перечисляет покупки. Сбивается. Пытается заглянуть в пакет, который несу я, чтобы подсмотреть.

Еще с болезнями и микробами справимся – и будет все хорошо. Я верю. Без веры и надежды мне нельзя. Я у себя не одна. Нас двое. Я в ответе за маленькую жизнь. Кроме меня, никому не нужную.

Потому что вопреки воле родителей, я уехала поступать в Москву. Хорошие оценки и знания помогли пройти на бюджет. И даже место в общежитии я получила.

.... – Выйдешь за порог, – мать грозно смотрит на меня, уперев руки в бока, – можешь не являться. У нас тут можно учиться. Вон, колледж рядом. Повар – прекрасная профессия. Всегда нужны, всегда с продуктами.

– Я уезжаю, – говорю твердо, запихивая в сумку вещи. Денег у меня совсем в обрез. Я втихаря помогала другим ученикам с домашкой и рефератами за небольшую плату. Бегала на неофициальные подработки. Да бабушка с дедушкой, пока живы были, понемногу давали, откладывали. А я не тратила на косметику и фастфуд. Так и скопилось.

– Иди, – отец распахивает дверь. – Скатертью дорога. Но помни, доченька, обратно тебя ждем только с извинениями. А уж если залетишь, то даже не думай сюда суваться. Раз уж такая умная и самостоятельная, то все решай сама.

И я ушла. Глотая слезы, не давая им пролиться. Ушла, дав себе обещание, что всего добьюсь. Не пропаду. Ну и вот. Оказалась не лучше многих. Не умнее...

Только вынесла еще один урок – своей дочери я такого не скажу. Всегда сможет прийти ко мне со своими проблемами. Всегда буду ждать и помогать.

Подходим к подъезду обычной хрущевки. Панелька. Наша квартирка на третьем этаже. Не самый худший вариант. Обычный двор, обычные люди.

– Лаз, два, тли... – дочка, поднимаясь, считает ступеньки. Потом по лестнице: – Лаз, два, тли, пять, семь, двасать.

– А где же остальные цифры? – спрашиваю у нее. Пожимает плечами и хитро улыбается.

– Сто! – выкрикивает, поднимаясь еще на одну ступеньку. – Плаильно?

– Нет, – отвечаю честно. – Мы же до пяти хорошо уже выучили счет.

Сдвигает брови к переносице, мордашка такая сосредоточенная-сосредоточенная.

– Неа, – спустя паузу вертит головой и кудряшки прыгают.

– Идем, – поднимаю ее на руки и поднимаюсь на наш этаж. Ставлю дочку на пол. Достаю ключи.

Ну вот, наконец-то мы дома. В нашей маленькой и уютной крепости. Можно расслабиться после рабочего дня.

Глава 4

Дни идут своим чередом. Пошла третья неделя без простуд. Радостная Ксюшка бежит в садик впереди меня. Слава богу, что она такая. С удовольствием ходит в садик. Была бы ее воля, и в выходные бы туда ходила!

Мне повезло. Некоторые мамочки с трудом отрывают от себя детей, закатывающих истерики. Слезы, крики... Ужасно. Не знаю, как бы я себя вела в такой ситуации. У нас все наоборот: Ксюша готова сидеть в группе до последнего.

– Ма, а выхандой когда? – скачет впереди меня. Джинсовый рюкзачок болтается вверх-вниз. Из него торчит ручка розовой лопатки.

– Черед два дня, – отвечаю. Как же я жду выходных! Чтобы отдохнуть от звонков и постоянного потока заявок.

Поспать подольше и не мечтаю даже. Моя егоза вскочит рано, выспавшаяся и полная энергии. И этим похожа на своего отца. Удивительно, как они похожи, хотя Ксюшенька его и не знает. Как и он не знает о дочери.

– И посеми садик не лаботает в выхандой? – огорчается дочурка. – Лень, сто ли?

Боже, лишь бы это не высказала воспитательнице и нянечкам! Уверена, им хватает общения и пять дней в неделю с этой бандой мелких хулиганов. Там же у каждого свой характер, капризы, привычки.

– Так положено по трудовому законодательству, – говорю важно, чтобы впечатлить дочку сложными и непонятными ей словами. – Все должны иметь выходные, чтобы отдохнуть. И в понедельник с новыми силами хорошо делать свою работу. В садике даже игрушкам надо отдыхать. Вот твои же отдыхают, пока ты в садике. И садиновским тоже нужно отдыхать.

– Аааа, – кивает важно и продолжает прыгать дальше. – Ну ладно.

Болтая, подходим к садику. Провожая ее в группу. Сажусь на корточки.

– Маму на прощание поцелуешь? – спрашиваю с улыбкой.

– Да, – целует меня в щеку, обнимает за шею. – Я тебя люблю.

– И я люблю тебя, кудряшка моя. Пи-и-ип, – нажимаю на маленький носик. Заливисто смеется.

– Все. Иди, – командует. – На лаботу не опоздай, – говорит строго. Ой, маленький смешной командир. – А мне иглать пола.

Здоровуюсь с другими мамочками. Все спешат разбежаться по работам. Выхожу на улицу и иду на остановку. Погода прекрасная. Конец весны, цветет сирень. Вспоминается, как в детстве выискивали пятилистники. Верили, что если найти такой цветочек, загадать желание и съесть его – непременно все исполнится. А уж когда мы нашли в одном из дворов какую-то махровую, у нас был просто разрыв шаблона.

Вранье, конечно. Ничем сирень помочь не может.

Мимо бегут школьники. Довольные. Скоро каникулы. Буквально несколько дней.

Прохожу мимо кустов сирени. Аромат стоит одуряющий. Все любят весну и май.

Ненавижу. Я ненавижу эту проклятую сирень. Конечно, эти кусты ни в чем не виноваты. Но они прочно теперь ассоциируются с ним. Надо просто снова пережить эту пару недель буйства. Отцветет и снова станет обычным зеленым кустом. Скорей бы уже!

Сажусь в автобус и без пробок добираюсь на работу. Пять минут задержки на светофоре не в счет. Без десяти девять я уже в офисе. Прохожу к своему столу.

Через пару минут вваливается Кира.

– Ну почему сегодня не пятница? – произносит со стоном. – Всем привет!

– Потому что среда? – шучу.

– А лучше бы пятница, – плюхается на стул. – Пойдем в субботу выгуляем Ксюшку куда-нибудь? Пока будет гонять по игровой комнате, мы с тобой кофейку выпьем.

– Если погода будет, давай. Ксенька там еще просится в зеркальный лабиринт, – соглашаюсь с подругой.

– И сразу жить веселее стало, – улыбается Кира. – Ой, как работать ле-ень, – потягивается. – Боров сейчас притащится с проверкой, – нажимает кнопку включения компьютера.

Смотрю на часы, висящие над дверью. Ну да, минут через десять явится. Прошарит по всем острым взглядом мелких глазок, выискивая опоздавших. И тогда можно будет вызвать на ковер и почесать чувство собственной важности.

И как только стрелка показывает девять пятнадцать, дверь в кабинет по-хозяйски распахивается.

– Доброе утро, – лыбится Боров. – Как приятно видеть всех на рабочих местах, – а взгляд упирает в меня.

Нестерпимо хочется передернуть плечами. Намек более чем прозрачен. Ждет, что начну рассыпаться в благодарностях? Не дождется. Работу свою я выполняю вовремя. Ошибок почти не бывает.

– Доброе утро, – отзываемся нестройным хором. У одной Светы в голосе радость. Все давно знают, что она хочет потеплее пристроиться. Как сама всегда говорит, что молодость уходит стремительно, а душу лучше греть в норковой шубке. Все шпыняет нас с Кирой тем, что мы слишком молоды.

– Ну работайте, – осмотр окончен и Боров уходит.

– И чего таскается? – ворчит Кира. – Ну видно же в программе, кто на месте уже.

Пожимаю плечами. Такая мелочь, не стоящая внимания. Но эти липкие внимательные взгляды напрягают. Что он во мне разглядеть пытается? На работу я хочу в более чем скромном виде. Ни косметики, ни нарядов. Даже на корпоративы хожу в джинсах и кофте. Всегда подчеркнута вежливая и отстраненная.

Кира еще что-то ворчит себе под нос, но я уже не слушаю. Начинаю разбирать заявки. День идет своим чередом. Но ближе к концу опять забегает Олеся.

– Уль, зайди к начальству.

– Опять? – удивляюсь. – Я еще не успела накосячить.

– Не знаю, – Олеся разводит руками. А Кира поднимает на меня взгляд встревоженных глаз. – Вообще мог бы позвонить тебе или сбросить сообщение в линк.

– Что случилось? – спрашивает Кира.

– Понятия не имею, – встаю из-за стола. Вытираю о бедра вспотевшие ладони. Почему-то сердце колотить начинает. Очень нехорошее у меня предчувствие.

Тряхнув головой в попытке отогнать глупые мысли, иду в кабинет начальника. Как всегда стучу и вхожу после разрешения. Делаю пару шагов и застываю. Глазам своим не верю. Предчувствие нехорошего набатом бьется в голове. Полыхает красной лампой просто.

Чтобы Боров на меня смотрел так спокойно? И, можно даже сказать, ласково...

По телу прокатывается дрожь. Я даже чувствую, как холодная капелька пота стекает по спине.

– Проходи. Чего застыла? – спрашивает. А меня от его улыбочки передергивает.

Подхожу к столу ближе и останавливаюсь.

– Садись, – указывает на стул. А я едва челюсть не роняю. Никогда такого не было! В неожиданную доброту Борова верится слабо. Поэтому сердце начинает биться о ребра гулко и болезненно.

– Садись, – кивает. – Разговор есть.

Под его внимательным взглядом сажусь на самый краешек стула. Смотрю на него насто-роженно. Не нравится мне все это. Очень не нравится!

– Ульяна, я запросил в отделе кадров информацию по твоим больничным, – говорит, как камни роняет, весомо, с нажимом. – Очень много их. Очень.

– У дочки слабое здоровье, – тихо говорю. – Но всю работу я сделать успеваю.

– Похвально, – и кивает как болванчик. – А дети требуют много денег и сил. Тяжело тянуть ее одной, да?

Молчу. Все еще не понимаю, к чему этот разговор. Ему какое дело? Работа работает, замечаний нет. Клиенты довольны.

– Я справляюсь, – вздергиваю подбородок. – Дочка растет. Перерастает потихоньку этот период.

Больше ничего объяснять не собираюсь. Не его это дело. Я вообще уже начала подыскивать, куда бы нам съездить хоть на недельку отдохнуть и подлечиться. Несколько дней отпуска у меня еще есть. Единственное, надо извернуться так, чтобы дочь в этот период не простыла. Но летом, если оно не холодное и не дождливое, она болеет намного реже.

– Процедуры и санаторий помогли бы, – бьет по больному. – Но это все требует денег. Больших денег. Вот если бы тебе кто-то помогал...

Холодею вся, понимая, куда Боров клонит. И ведь как красиво стелет! Издалека заходит, в самое сердце бьет.

– Не спеши, – поднимает руку, останавливая меня, когда видит, что хочу встать. – Чего ты вся напряглась? Я тебе помощь предлагаю. Поддержку. Закрою глаза на это, – кладет ладонь на стопку листиков. Видимо, мои больничные. – Деньжат подкину. Станет проще. Легче. Ты девка красивая. Молодая. А уже с нагулянным ребенком.

Вздрагиваю от этих слов. Скотина!

– Ксюша не нагулянная, – говорю зло.

– Да кому это интересно? – усмехается. – Что-то не вижу очередь из желающих тебя замуж взять с довеском. Не все мужики и своих детей-то любят. А уж чужих, – выговаривает многозначительно. – А я поддержу. Будешь как сыр в масле кататься.

Хочется вскочить со стула и устроить скандал. Влепить пощечину. Но я сдерживаюсь. Хотя злость во мне кипит, готовая сорвать тормоза. Только вот скандал я закатить не могу. Себе хуже сделаю. Боров может сильно осложнить мне жизнь.

Знаю я, как бывает. Потом на работу в приличное место не возьмут. Или того хуже – будут постоянно подкатывать вот с такими предложениями.

И как, гад такой, еще позарился на меня? Светка вот из декольте выпрыгивает. Трется что та кошка, а все никак. На все согласна!

А мне так противно, будто в помои окунули. Прямо не говорит, но и так ясно, что потребует от меня. Едва не тошнит. На висках уже волосы мокрые от пота. Фу! Даже думать мерзко, что я с ним... Будет меня трогать... Везде... Целоваться ползет...

Не уверена, что мне удалось сдержать гримасу отвращения. А ведь у этого мерзкого Борова жена есть. Нормальная женщина. Двое детей уже взрослых. Седина в бороду? Старый хряк!

Шарит по моему телу маслянистым липким взглядом. Хочется немедленно в душ, чтобы смыть эту паутину. Тошнота усиливается. Я бледнею и едва выговариваю дрожащими губами:

– Это так неожиданно... Я не готова...

А у самой в голове мысли скачут бешеными белками. От страха не могу вспомнить, сколько денег есть на счету. Я в полной панике! А она плохой советчик.

– А я не тороплю, – улыбается уверенно так. Будто я соглашусь. Да, ситуация у меня почти безвыходная. Но она не хуже, чем была уже у меня. – Ты подумай. Хорошо подумай. Только не сильно долго. Я же помочь могу. А могу и наоборот.

Залепить по этой лоснящейся морде с мерзкой ухмылочкой! Написать заявление. Привлечь за домогательства. Только вот... Никто не поверит. Меня обвинят и в грязи вываляют.

Самадуравиноватая...

– Я же тебе добра желаю, – никак не заткнется Боров. – Денег будет больше. Ты же красивая девка, а одеваешься как нищенка. Платье себе купишь какое. Туфли. В салоны сможешь ходить. Женщины любят тряпки и всякие процедуры. А ты скоро сдохнешь, столько одной тащить. Ну, чего молчишь?

– Слов нет... – выговариваю с ядовитым сарказмом.

Но Боров не понимает. Ухмыляется. Думает, что я уже попалась. Соблазнилась лечь под женатого ради тряпок и маникюра.

– Я не ко всем так щедр.

Я думала, что его улыбочка не может быть более мерзкой. Может. Противно! Просто противно и мерзко.

А слова есть. Только они все матом и далеко не о согласии. Скотина! Моральный урод! Ловко и со знанием дела загоняет меня в угол. Только вот болезненный урок свой я уже получила. А безвыходных ситуаций не бывает.

– Что-то ты бледненькая, – сочувственно качает головой. – Ну иди подумай. Хорошенько подумай, Ульяночка.

Встаю со стула и на ватных ногах выхожу из кабинета. Ни на кого внимания не обращая, иду в туалет. Пугаюсь своего отражения в зеркале. Я похожа на привидение.

Открываю холодную воду и умываюсь. Дышу. А сердце вот-вот выпрыгнет.

Из кабинки выходит Кира. Замечает меня.

– Уль! – бросается ко мне. – Тебе плохо? Скорую? – в глазах испуг.

– Ненавижу сирень, – зло выплевываю. – Ненавижу.

– Почему? Аллергия? – Кира не понимает.

– Потому что когда эта дрянь цветет, в моей жизни случается самая лажа.

Глава 5

Кира смотрит на меня непонимающе. А я упираюсь руками по краям раковины. Дышу, пытаюсь успокоиться. Нужно отринуть эмоции и хорошенько подумать. Бежать и жаловаться мне некуда и не к кому. Соглашаться на столь лестное предложение я тем более не буду.

Скотина! Как последняя тварь бьет по больному. Знает, что дочка для меня все. Моя радость. Моя кудрявая непоседа. Любознательная. Любопытная. Порой ее логика меня удивляет и ставит в тупик. Моя малышка очень сообразительная. А уж характер! И умение настоять на своем. Это что-то генетическое. Явно не от меня эти черты.

И Боров еще смеет прикрываться заботой о моей дочери! Жирный хряк!

Опять цветет сирень и опять я нахожу неприятности из-за мужчины. Правда, в первый раз все было совсем по-другому...

... я медленно шла по парку, наслаждаясь погодой. Прошла майская гроза с веселым громом. Смог отступил и дышать было легко. Сирень цвела как сумасшедшая. Пахла просто одуряюще. И кисти такие огромные. Как пена. Красиво!

Пора лекций прошла, сессия и первый курс будет окончен!

Я очень гордилась собой! Я смогла! Я поступила и не вылетела. Зимнюю сессию закрыла на четверки и пятерки. Место в общежитии есть и даже с соседками повезло. Подработки всякие были. Не шикарно, но жить можно.

А дальше должно быть проще. Я немного пообвыкла в Москве. Большой город уже не так пугал. Потому что первые месяцы столица навевала благоговейный ужас. Огромная. Блестящая. Полная народу.

Это был натуральный шок. Да я чуть было обратно не рванула! Настолько меня все это огулило. Страшно было жуть как. Но собрала себя на перроне в кучку и потопала на выход.

Сейчас уже смешно вспоминать. Нас, таких пугливых, полкурса было. Нашла друзей, с кем можно поговорить и поделиться страхами и сомнениями.

Москва открывала широкие возможности, но могла и перемолоть в пыль. Страх вернуться, поджав хвост, заставлял быть осторожной. Я хорошо училась, не связывалась с сомнительными компаниями. Примерная девочка. Но не из-за характера, а из-за страха упустить шанс.

Но ведь все равно упустила. Не знаю... Судьба, видать, такая...

Сирень мне отомстила за то, что я ее в детстве обдирала и просила исполнить желание. Говорят, бойся своих желаний. А еще, что нужно просить правильно. Тогда будут и деньги, и муж любящий да богатый, и прочее. Но если просишь неправильно, то вселенная выполнит все на свое усмотрение.

Поэтому я теперь даже на Новый год желание не загадываю. Я лучше как-нибудь сама. Как сумею. Как смогу. Но своими силами.

Проклятая сирень! Из-за нее я не могу есть пломбир с шоколадом. А ведь это было мое любимое лакомство. Простенький пломбир, он мне казался самым вкусным. Потому что на такое баловство деньги находились редко.

Вот я шла со смены в небольшой пиццерии. Подрабатывала там официанткой. Хорошее место для семейных посиделок. Работала я сегодня с открытия, так что к пяти часам была свободна как ветер. Решила прогуляться через парк. Купила пломбир и пошла.

Дышала запахом сирени, разлитом в свежем воздухе. Ела мороженое. Разглядывала цветы.

Ворон считала – как сказала бы мама. И была бы права. Мыслями я вся витала в облаках. Не смотреть, куда идешь – роковая ошибка. Я действительно зазевалась.

– Ух, – выдохнули где-то над головой.

– Ох, – охнула я, на полном ходу врезавшись во что-то твердое и теплое. – Ой! Простите! На того, в кого врезалась, я не смотрела. Точнее, смотрела только на футболку на его груди. Где прилип кусок шоколадного пломбира и получилось ужасное пятно.

– Извините, – пробормотала извинения в полном расстройстве. Надо было смотреть по сторонам, а не ворон считать!

– Это всего лишь футболка, – неожиданные слова, сказанные красивым и приятным мужским голосом, заставили оторвать взгляд от пятна, которое становилось больше, и посмотреть в лицо незнакомцу.

Улыбка. Улыбка на чуть полных губах меня обескуражила. Эта улыбка была и в темно-голубых глазах незнакомца. И я робко улыбнулась в ответ.

– Извините, я нечаянно, – пробормотала еще раз.

– Это всего лишь футболка, – повторил незнакомец. – Отстирается. Или нет, – он пожал плечами.

Кусок мороженого шлепнулся нам под ноги.

– Сейчас, у меня салфетки есть, – засуетившись, полезла в рюкзачок, забыв про зажатый в руке остаток стаканчика. И чуть не уляпалась сама.

– Успокойтесь, – парень перехватил мою руку, а меня как током прошибло. Это было как разряд молнии.

И пока я стояла в полном шоке, незнакомец отобрал злосчастный стаканчик и ловко забросил его в урну. А мне стало очень жаль, что он отпустил мою руку так быстро.

Я стояла и смотрела, как он достает из своего рюкзака влажные салфетки, протирает пятно. Но положение это не спасло. Жар стыда уже залил не только щеки, но шею. Кончики ушей буквально полыхали.

– Да и черт с ним, – отмахнулся беззаботно. – А вот мороженое жалко.

– Да, – вздохнув, я грустно улыбнулась. На такое мне опять придется копить. Для меня каждые сто рублей это большие деньги.

– Ну раз я был так невнимателен и встал на вашем пути, то просто обязан компенсировать потерю.

Произнес парень и улыбнулся широко. От такой его улыбки мое сердце сделало кульбит и ухнуло куда-то вниз, потом подпрыгнуло и забилося как сумасшедшее.

В его глазах я не видела злости и осуждения. Только искорки смеха.

– Так как, согласны?

Я хотела отказаться, но почему-то кивнула, замороженная его взглядом.

– Это я виновата, – полепетала, смущаясь. – Ваша белая футболка теперь испорчена. Я не уверена, что это пятно можно отстирать.

Ведь на самом деле это я врезалась в него, потому что витала в облаках. И никакого мороженого он не должен мне покупать. Но мозги как отключились. Мне было восемнадцать, была весна и мне предлагал купить мороженое привлекательный парень.

Я не хотела, но все равно глазела на него, не в силах оторвать взгляд. Длинноватые чуть волнистые темно-русые волосы уложены в модную стрижку. Подбородок с ямочкой, широкие прямые темные брови, прямой нос, высокий лоб. Не киношный красавиц, но черты лица гармоничные. Обаятельный. Он буквально излучал уверенность в себе. Похоже, пятно его не волновало совсем.

– Макс, – представился и протянул руку.

– Ульяна, – тоже протянула руку и он мягко пожал мои пальцы, ненадолго задержав наше рукопожатие.

И опять колкие разряды тока потекли от пальцев по всему телу, рассыпаясь мурашками.

– Красивое имя. И довольно редкое.

Я не нашлась, что ответить. Такой хорошо поставленный голос, что хотелось слушать и слушать. Еще тогда подумалось, что ему бы работать диктором на радио.

Макс. Я подумала самое очевидное – Максим. А позже узнала, что на самом деле Максимилиан. Такое вот необычное имя. Еще гораздо более редкое, чем мое.

– Я тут по это аллее как раз проходил мимо вагончика с мороженым. Идем?

И я опять кивнула, голос просто пропал.

Макс развернулся и мы зашагали к продавцу мороженого. Мне было страшно неловко. Я испортила его одежду, а он собирается купить мне мороженое! Да и в парке цены на него выше, чем в магазине.

Но Макс шагал так уверенно и спокойно, что я просто подпала под его энергетику. Я не могла сопротивляться. Гормоны ли. Первая влюбленность ли. Возможно, моя неопытность. Не знаю. Так сошлись звезды...

...Или сирень по-своему исполнила мое желание...

Но я позволила угостить себя мороженым.

– Добрый день, – улыбка слышалась даже в голосе Макса. – Нам два рожка мороженого. Наверное, – он оттянул футболку и посмотрел на пятно. – Шоколадного, – повернув ко мне голову, спросил: – Шоколадное же было?

– Да, – закивала я, вспыхивая еще сильнее.

– Вот, – опять повернувшись к продавцу. – Два рожка шоколадных. Один посыпьте молочным шоколадом и полейте соленой карамелью. А другой сделайте с фисташками.

Макс сделал заказ и протянул карту.

Через пять минут мы устроились на лавочке и ели мороженое. И болтали обо всяком разном. Не думала, что так бывает, но мне было очень легко с ним.

Макс рассказал, что выучился на айтишника и уже работает. Правда, скромно умолчал, что выучился в самом лучшем вузе у нас и еще один диплом получил в Европе. А работает в фирме отца не простым программистом.

– А я только первый курс заканчиваю. И в пиццерии подрабатываю, – озвучила свои скромные достижения. – Но поступила на бюджет и место в общежитии дали.

Боже, бюджет, общежитие... Когда у Макса была уже своя квартира в центре и машина. Он просто решил прогуляться. Проветрить мозги. Наша встреча вышла совершенно случайной.

Дурочка, но я совершенно не отличала настоящий бренд от подделки. Да в моем окружении на них никто и не смотрел особо. Все знали, где любой бренд можно купить по копеечной цене. Вышитого крокодила на футболке я заметила, но даже мысли не мелькнуло, что это реально куплено в фирменном магазине. И даже не в Москве. Иначе бы я сразу поняла, что Макс из состоятельной семьи.

У нас в универе были мажоры. Но тех, кого так называли, было видно сразу – наглые, развязные, модные, золотые часы и все такое прочее. Возможно, были и такие, как Макс, но я их не замечала.

Привлекательный молодой человек, хорошо одетый, воспитанный – вот это видела я.

Часы на руке. Но на вид довольно скромные. Я даже и внимания особо не обратила. Лишь спустя время узнав, что стоят они очень много.

Макс не кичился и не выпячивался. Сидел на лавочке и ел мороженое. Шутил. Мы вместе посмеялись над маленьким происшествием. Ему удалось полностью сгладить неловкость.

И как не показалась ему полной дурочкой? Ведь смеялась всем его шуткам. Хотя, наверное, дурочкой и показалась. Иначе зачем продолжил со мной встречаться?

Глупая и наивная, я подпала под его обаяние. Впрочем, у меня не было ни шанса устоять. Макс мастер переговоров. Природная харизма и опыт. В любой ситуации умел вести себя. Так что я для него – открытая книга и легкая добыча.

Игрушка...

Небожитель снизошел до простой смертной, чтобы поразвлечься. Кажется, так поступали олимпийские боги.

Наверное, ему невероятно льстило, что я буквально ему в рот заглядывала. Макс на самом деле потрясающий собеседник. Легко может создать нужный ему образ.

А мне тогда казалось, что любил. Долго не верила, что выпал мне счастливый шанс. Просто невероятный. А когда, наконец, поверила...

Но в тот день я ела мороженое, наслаждаясь невероятным вкусом. Улыбалась Максиму. Жмурилась на солнце. Дышала сиренью.

Ненавижу сирень!

– Так ты со смены идешь? – переспросил Макс и я кивнула.

– Вот я дурак, – он хлопнул себя ладонью по лбу. – Тебе отдыхать надо, а тут я привязался.

– Я сегодня с утра, – мне была приятна забота в его голосе. – Посетителей обычно в это время немного. Это сейчас и почти до закрытия народу будет валом.

Расставаться мне не хотелось. Я прекрасно понимала – разойдемся и все, но...

– Ты мне даешь номер своего телефона?

И второй раз сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я назвала свой номер, и со смущением призналась:

– Мой телефон сел. Там батарейка стала держать очень плохо.

– Ничего страшного, – улыбнулся Макс. – Я позвоню и запишешь. Идем. Провожу тебя.

Ну и как тут было устоять наивной девочке? Никак...

Глава 6

– Уля-я. Уль! – Кира трясет меня за плечо, выбивая из того майского дня, когда все началось. – Может, все-таки скорую?

– Нет, – отрицательно трясую головой. – Кофейку бы. И там... там работа ждет.

Разворачиваюсь на выход из туалета, но Кира преграждает мне путь. Смотрит внимательно, с тревогой.

– Зачем тебя Боров вызывал? Уля! – даже топает от волнения.

– Кир, – выдыхаю ее имя. – Не сейчас. Пожалуйста! – молю ее. Если сейчас расскажу, я просто развалюсь. Держусь из последних сил. Мне нужно пережить случившееся, подумать. А если начну рассказывать, то разревусь.

– Он что-то сделал тебе? – грозно спрашивает.

– Нет, – отрицательно машу головой. – Кир, пожалуйста. Пойдем работать. Пожалуйста, – продолжаю молить. – Кирочка...

Медленно оглядывает меня с головы до ног. Задумчиво кивает и произносит:

– Идем. Но! – поднимает указательный палец вверх. – Ты мне все обязательно расскажешь!

– Потом, – прохожу мимо нее. – Расскажу потом. Сейчас не могу. Кира, я просто не могу.

Буквально бегу к кофейному автомату. Отвратительная горечь на языке перебивает мерзкий вкус страха. Обжигая язык, едва ли не в один глоток опрокидываю в себя весь стаканчик.

Кира стоит рядом и взгляда с меня не сводит. Я зло сминаю пластиковый стаканчик и выкидываю его в мусорку. Вымещаю свою ненависть. Во рту противный вкус горечи, но он хоть немного отвлекает.

Иду в кабинет. Кира следует за мной на шаг позади. Сопит недовольно, но вопросов пока не задает. Падаю в свое кресло. Прячусь за монитором. Кладу пальцы на мышку и замечаю, как они дрожат.

Пусть Боров и не мечтает, что я соглашусь на его мерзкое предложение. Добрые и заботливые научили, как нужно заботиться о себе. Так научили, что забыть невозможно!

Хватаюсь за телефон, потому что не понимаю, что вижу на мониторе. Цифры то сливаются, то прыгают. На телефоне нужно ввести код. А у меня его из головы напрочь вымело. С огромным трудом вспоминаю четыре несчастные циферки.

У меня на счету не миллионы, чтобы не помнить, сколько там точно денег. Просто от полного шока в голове гул и пустота. Тыкаю по циферкам входа в мобильный банкинг.

– Черт, – шиплю, когда мне сообщают, что пароль не тот и осталось две попытки. Опять тыкаю и приложение открывается.

Сумма на счету, конечно, не радует. Бывало и сильно больше. Давно и недолго. Смотрю на календарь. Гордо хлопнуть дверью тоже не получится. Точно уверена, Боров найдет причины замотить мои невеликие деньги. Значит, нужно крутиться до зарплаты. Недели две или три. Получить все мне причитающееся и уволиться.

Санаторий накрылся медным тазом. Хотя, в моем случае, наверное, эмалированным треснутым тазиком. Но заботит меня сейчас другое.

Сколько времени я смогу водить занос и убегать Борова? Навряд ли он будет ждать несколько месяцев. Хорошо, если у меня есть пара недель.

Правым виском чувствую сверлящий взгляд. Светлана. Как будто иголкой хочет проковырять мне голову. Моему увольнению она будет очень рада. А если прознает про предложение Борова – жизни не даст.

– Что?! – наконец, не выдерживает. – Вставили тебе по первое число? Вон вся как взбледнула. Увольняют? – звучит радостно ее голос. – Давно пора! Чтобы нос свой не задирала. Ходит тут, вся такая фифа.

– Язык прикуси, – рывкает Кира. – Достала уже ядом брызгать.

– Ты чего лезешь? – теперь Света переключилась на Киру. – Молодость твоя кончится через пару лет. А ты все мужиков перебираешь.

– Молодость, может, и кончится, – ехидно выговаривает Кира, – а мозги останутся. Морду-то и натянуть можно, а мозги уж какие есть. На другие не заменишь, – выдает с улыбочкой. Едва ли не в лоб озвучивает попытки Светы молодиться.

Кира никогда и не скрывала, что эта работа не предел мечтаний. И что она тут не собирается терпеть самодурство. Сразу и лихо пошлет любого с такими предложениями. Но у нее тут семья, поддержка. Друзья школьные и институтские.

Света презрительно фыркает. Кира девушка незлобная, но язык острый. Отбреет только так. Перепалка затухает. И я возвращаюсь к мысленным расчетам. В идеале бы получить зарплату. Как специально, за май там выходит сумма, потерять которую я просто не могу.

Значит, буду тянуть. И надеяться, что удача будет на моей стороне, а не повернется в очередной раз своей филейной частью.

Безумно радуется, что нас с дочерью не выгонят из собственной квартиры. Будь она съемной, я, наверное, сошла бы с ума. На продукты и лекарства у меня отложено немного, и есть совсем крохотный НЗ. Туда я залезу в самом крайнем и непредвиденном случае.

Надеюсь, что преподанный мне урок финансовой грамотности я выучила на отлично.

«Это небольшая компенсация. Купи себе туфли, наконец, приличные. Платье хорошее. Порадуй себя. Когда еще сможешь себе такое позволить?»

Ни платье, ни дорожные туфли я себе с тех денег не купила. Все ушло на дочку. Хотя нет, пару платьев взяла – домашних. А еще не думала, что так цинично смогу распродать ту брендовую одежду, которой успела обзавестись.

Просто выключила этот раздел воспоминаний. Ну шмотки и шмотки. А что Макс говорил, что я вон в том бирюзовом платье ослепительно красивая... Так он наверняка такое не мне одной говорил. Вычеркнуть. Забыть. Наступить на горло собственной гордости и продать, а не выкинуть.

Цинизм победил романтику. А иначе бы мы с дочкой голодали. И я вообще не уверена, что смогла бы вытянуть кроху...

Убираю телефон. Нужно возвращаться к работе. Смысла нет опять копаться в воспоминаниях. Только старые раны ковырять.

Кое-как доживаю до конца рабочего дня. Закидываю в сумку телефон и меня бегом уносит из офиса. Дальше на остановку. Занимаю место в автобусе и принимаюсь планировать.

Май скоро кончится. Получу выплаты и сразу уволюсь. Просто положу заявление, а там как хотят. Не моя забота. Мне нужно теперь найти новую работу. За месяц. Максимум – полтора. Беда в том, что любая мне не подойдет. Не от лени или чего-то еще, а из-за дочки.

Ну какого черта Боров вылез со своим лестным предложением? Тихо-мирно работала. Гад!

Моя остановка и я иду через дворы к садику. Сирень. У меня просто нестерпимое желание обломать эти ветки. Но я сжимаю кулаки и стискиваю зубы. Не хватает еще устроить дичайшую, просто безобразную истерику.

Даже вдохнуть не могу нормально, везде эти чертовы цветущие кусты! Когда они уже отцветут?!

Когда-то шла по такой сиреновой аллее и с удовольствием дышала этим ароматом. Моя ладонь утопала в широкой мужской ладони. На фоне сокурсников Макс казался настоящим

мужчиной, а не пацаном. Умный, уверенный в себе, опытный. Он ловко опутывал собой. При-
творялся своим парнем. Играл. Для него это была всего лишь игра.

Богатенькому мальчику наскучили девочки его круга, вот и решил поиграть с наивной
провинциалкой. А я принимала все за чистую монету.

– Когда у тебя выходной? – спросил Макс. Мы медленно брели по аллее в сторону моей
работы. Сегодня у меня вторая смена с пяти до часу. А завтра можно поспать, экзамен я сегодня
уже сдала утром.

– Послезавтра, кажется, – отвечаю, прикинув расписание. – Но мне нужно быть в универе
с утра. И не знаю, до скольких. Потом через два дня опять экзамен. Нужно готовиться. Не хочу
завалить сессию.

– Серьезный подход, – произносит одобрительно. – И не страшно по ночам одной воз-
вращаться?

– Страшновато, – признаюсь честно. – Но это же не каждый день. Да и лето почти, на
улицах народу полно. Макс, а тебе точно выговор не влепят за прогул на работе? – спрашиваю
с тревогой.

Этот вопрос я задавала не далее, как пару часов назад. Когда зазвонил мой сотовый и на
экране высветился незнакомый номер.

– Алло, – произнесла чуть удивленно. С незнакомых номеров мне звонили крайне редко.
Если только какие-то сомнительные личности.

– Привет, Ульяна, – раздался бархатный мужской голос. – Это Макс.

И мое сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Улыбка сама появилась на губах.

– Привет, – кажется, прозвучало это слишком радостно.

– Не отвлекаю? – спросил Макс. – Есть минутка.

И я киваю, будто он может меня видеть. Ой, дурочка.

– Нет, я свободна, – отвечаю, спохватившись. – Ну, точнее, кое-что читала по учебе. А
скоро на работу поеду. У меня вторая смена.

Выкладываю все честно. Я вообще не умею врать. Сразу ладошки потеют, волнуюсь очень
сильно. В общем, палюсь всячески.

– Сможешь на полчаса раньше выехать? Прогулялись бы по парку. Мне понравилось
то мороженое, – его голос обволакивает и заманивает. Такой тембр, что хочется слушать и
слушать.

– Мне тоже, – от улыбки уже щеки болят. Бездумно рисую ручкой узор на полях тетради.
Это нервы. – Встретимся там? – спрашиваю и прикусываю язык. Боже, он ведь еще не пред-
ложил!

– Я встречу тебя на остановке. Напиши, когда подъезжать будешь. Мне там недалеко
сегодня.

– Макс. У тебя же работа, – осознаю, что сегодня будний день.

– Нормально, – отвечает беспечно. – Ничего мне не будет, если отвлекусь на пару часиков.
Голову проветрю. Потом работоспособность лучше.

Ну да, пока я волновалась, что ему влетит от начальства, Макс там смеялся над глупыш-
кой. Он легко мог себе позволить перестраивать свое расписание под свои хотелки, никто и
слова не скажет.

Успокоив меня, договаривается, где и примерно во сколько встретимся.

– Увидимся, – и сбрасывает звонок. А я смотрю на погасший экран своего телефона и
ошалело моргаю.

В голове стаей испуганных птиц носятся мысли. Все-таки позвонил! Хотя вчера вечером
я уже уверила себя, что звонка ждать не стоит. Номер телефона взял, а потом передумал. Так
бывает.

Просидев пару минут в ступоре, подрываюсь со стула и начинаю быстро убирать учебники и конспекты. Мысли об учебе из головы просто испаряются. Я подбегаю к шкафу и открываю скрипучую дверцу. Полки с одеждой печально пусты. Мне хватает, но вот на свидание надеть совершенно нечего. Первый раз жалею, что так мало уделяла внимания гардеробу.

Но не бежать же срочно в магазин. Поэтому достаю тонкие летние джинсы, уже изрядно потертые, и футболку с ярким принтом. Из обуви тоже выбор «огромный» – кеды.

Делаю простенький макияж. Без него в зал не пустят. Внешний вид должен быть согласно принятому дресс-коду. Волосы я уже на работе соберу в тугой пучок. А сейчас достаточно немного их намочить, чтобы легли спиральками. В этом мне повезло. Но родители запрещали стричься и носить волосы распущенными.

Распустеха – ругалась мама.

И первым делом в Москве я отрезала их по плечи, а парикмахер подсказала, как быстро и просто уложить. Будто груз скинула.

Завершив нехитрые сборы, подхватываю сумку и спешу на автобус. По пути записываю в контакты номер Макса. На душе птицы поют. Запрыгиваю в автобус и кручу в руках телефон, чтобы вовремя написать.

«Буду через десять минут примерно»

«Понял. Жду»

Два слова, а я радуюсь, будто миллион выиграла. Первая влюбленность. Она совершенно иррациональная. Затапливает тебя внезапно. И ты закрываешь глаза на факты, на очевидные вещи. Видишь только его. Пропадаешь и растворяешься. Только разбившись, рухнув с вершины эйфории, понимаешь, что была полной дурой.

А в тот момент меня мчал автобус к месту встречи. И выпорхнув на улицу, я сразу же попала в руки Макса.

– Привет, – улыбнулся так, что я растаяла. И протянул небольшой букетик из очень красивых мелких цветочков.

Глава 7

Пробежав мимо чертовых кустов сирени, оказываюсь у калитки в детский сад. Останавливаюсь. Пытаюсь отдышаться, успокоить сердце. Мелкая сразу все заметит. Это у нее от отца.

Макс подмечал все детали и читал меня как открытую книгу. Я думала, что это потому, что я ему нравлюсь. А оказалось – наработанная привычка. Подмечать, анализировать и просчитывать, чтобы люди делали ровно то, что ему нужно.

Куда мне было разглядеть его манипуляции! В рот ему смотрела. Восхищалась. Мне, по сути, одинокой девчонке, было легко и просто влюбиться в такого парня и прикипеть к нему всем сердцем. Столько внимания я не получала никогда и ни от кого.

Тот букет, на вид скромный и изящный, стоял на самом деле довольно дорого. Но мне было этого не понять. Огромный букет высоких роз – это все, что я знала о роскоши.

– Какие красивые! – искренне сказала я в восхищении. – Как называются?

– Понятия не имею, – Макс пожал плечами и протянул ко мне руку. – Идем.

– Ага, – кивнула я, вкладывая свои пальцы в его.

И сразу как током прошило от этого прикосновения. По коже волнами понеслись мурашки.

Макс, лавируя между прохожими, повел меня к киоску с мороженым. Шел уверенно, а я вот и забыла, где мы вчера купили мороженое.

– А тебе точно ничего на работе не скажут? – спросила, тревожась. Макс обернулся и, хитро улыбнувшись, одарил меня непонятным взглядом.

– Точно, – отрицательно качнул головой. – Уль, не думай о плохом. Идем скорее есть мороженое!

В этот раз Макс купил другое. Мы снова устроились на лавочке и так заболтались, что я чуть на работу не опоздала. По аллее мы почти бежали. Смеялись и шутили. Макс настоял проводить меня до работы.

– Вот здесь я и работаю, – указала на здание, в котором находилась пиццерия.

– И вкусно у вас готовят? – спросил, внимательно на меня глядя.

– Очень, – ответила искренне. – Мне пора, – стало грустно.

– Беги, – Макс отпустил мою руку.

И я поспешила на работу. Весь вечер то и дело улыбалась. Маленький букетик стоял в подсобке и грел сердце. А ночью...

– Макс, ты что здесь делаешь? – очень удивилась, увидев его возле пиццерии, когда мы уже закрылись.

– Хочу проводить тебя домой, – ответил, а у меня от радости чуть сердце из груди не выпрыгнуло. – Такси подойдет сейчас.

Никогда еще я так не жалела, что быстро добралась до общаги.

– Спасибо, – мне было очень приятно и ужасно неловко.

– Иди спать, время позднее, – Макс мягко улыбнулся. – А ты после работы.

– И ты тоже, – заметила я. – Спокойной ночи.

– Сладких снов, – Макс резко наклонился и коснулся моих губ в легком поцелуе. Так быстро отстранился, что я не успела никак отреагировать. – Иди.

Кивнув, я поспешила в общагу. Чувствуя на себе взгляд Макса, пока не скрылась за дверями. Так поздно возвращаться не положено, но договориться всегда можно.

Это был мой первый поцелуй. Мимолетный. Легкий, как прикосновение крыльев бабочки. Нежный. Целомудренный. Потом были еще поцелуи. Гораздо более смелые. Жаркие. И откровенные. От которых тело плавилось, а по венам бежал огонь. Но пока... пока это было нечто робкое и чистое.

– Зар-раза, – шиплю. Растираю руками лицо. – Иди к черту, Макс. Вот просто иди к черту! С тебя начались все мои проблемы! – выговариваю зло. Резко выдыхаю и собираюсь с силами.

Иду за дочкой. Моя козочка скачет радостно к своему шкафчику.

– Ма! Делзи! – достает свой рюкзачок. – Я сяс. А потом ты мне ласкаешь, как плошел день.

– Обязательно, – заверяю ее.

– Мой плосол холошо, – заявляет, достав обувь. Я уже научилась быстро убирать голову, чтобы не получить маленькой ножкой по подбородку. Сегодня Ксюшка изволит изображать принцессу. Помогаю ей переобуться. А она рассказывает о своих очень важных делах: – Ма, мы лисовали. Я лисовала лыбку. Тока она чуть-чуть не поусилась. И я ее выкинула. А тебе потом длуемую налисую.

– Ма! Моя опатка! – поднимаю взгляд на доченьку.

– Опять сломалась? – спрашиваю.

– Да не-е, – отмахивается. – Плосто класивая.

Выдыхаю. С Ксюшки станется и эту сломать. Мне иногда кажется, что у нее в руках все просто горит. О катании с горки в красивом платьице и говорить не стоит. Платье после этого пришлось выкинуть. Обувь – это вообще наше больное место. Она носится как ураган, только кудряшки подпрыгивают. Наша педиатр шутит, что Ксенька сбрасывает накопленную за время болезни активность. И наверстывает упущенное время.

Прощаемся и выходим из группы. Выходим с территории садика и наш путь лежит мимо кустов сирени.

– Ма! – Ксюша останавливается и дергает меня за руку. – Класивая. И пахнет вкусно. Давай домой налвем? Ну, ма!

– Ксюш, – присаживаюсь на корточки и начинаю спокойно объяснять. – Нельзя рвать на улицах цветочки. Это же не наши. Оборвем цветочки и будет некрасиво. А так все ходят и любят.

От запаха сирени у меня уже голова кружится. Но нужно мягко отговорить дочку. Букет сирени дома – последнее, что мне сейчас нужно. Макс дарил мне эту чертову сирень охапками, когда я призналась, что обожаю ее. А теперь вот ненавижу.

Ксюшенька, сунув палец в рот, насупилась. Молюсь, чтобы обошлось без истерики. Моя красавица что-то требует редко, но метко.

– А еще нам выпишут штраф и не будет денег на мороженое.

– Стла-аф? – тянет в шоке, хлопает глазенками. На сосредоточенной мордашке написан весь мыслительный процесс. – Тогда не будем лвать. Лучсе молозеное, – приходит к правильному заключению.

Выдыхаю с облегчением. Обошлось. Ну, я так решила. Зря...

Проклятушая сирень решила, что четыре года передышки, относительной, конечно, роскошь. И обрушила на меня все и сразу. Вновь круто развернув мою жизнь и приложив меня о бетонную стену.

Неделю мне удавалось избегать внимания Борова. Целую неделю я была осторожна. Ходила оглядываясь. Лишний раз из кабинета нос не высывала.

– Ты что-то дерганая стала, – заметила Кира. Вот сейчас мне ее внимательность вообще не на руку. Глазастая какая! – Улька, что произошло? Ты ведь мне так и не рассказала.

– Все нормально, – отмахнулась. Пока и правда все нормально. А я уже начала просматривать вакансии. Еще неделька и я получу зарплату. И смогу со спокойной душой положить заявление на стол нашей кадровичке.

А дальше пусть что хотят, то и делают. Но работать здесь я больше не буду. Я уже и так на грани истерики. Боюсь нарваться в каком-нибудь углу на Борова. Или что вызовет к себе. Ужасное состояние зашуганности. А я не имею права быть такой. У меня дочь.

Мое солнышко ждет этих выходных с нетерпением. Ведь тетя Кира пообещала с ней погулять.

– Ма, уже пянися? – спрашивает меня каждый день вечером. Ох, как Кире нравится это «пяниса». Она мне так и сказала, когда услышала:

«Уль, а ведь твоя дочь молодец! Отразила всю суть дня. В конце недели так и хочется быть пяниса-пяниса».

– Нет, дорогая, сегодня четверг, – отвечаю, смеясь. – Пятница завтра.

– Ааа, – тянет разочарованно. – Сетвелг. Эх, – и вздыхает так, будто ей вагоны грузить. Актриса маленькая!

Проходит день. У Ксеньки все хорошо: лопатку все еще не сломала, платье не порвала, правда, они с Димкой кидались на обеде котлетками. О чем нам с его матерью вечером и поведала воспитательница.

– Дулак! – топает маленькими ножками моя егоза и складывает ручки на груди. – Ма, он пелвый начал!

– Сама дула! – не остается в долгу Димка – рыжий и вихрастый, очень смешной пацаненок и большая шкода.

– Уль, – вздыхает мама этого шкодника, – как думаешь, если вернуть, обменяют? – обмениваемся понимающими взглядами. Детки у нас... конфетки!

Дружно обещаем провести с отпрысками воспитательные беседы. Был бы еще толк. Мелкая очень упертая, и если считает, что права – с места не сдвинуть. Идем с ней из садика и я начинаю потихоньку выяснять детали происшествий.

– Ксень, ну ты же знаешь, что так за столом себя вести нельзя. Очень плохо кидаться едой.

– Димка сам дулак, – заявляет и задирает свой носик. Вздыхаю. Итак, попытка номер три. Или уже четыре?

Опять аккуратно пытаюсь выяснить, что же там произошло. Моей козочке это вообще вот неинтересно.

– Ма, ну седня же пяниса вообще-то, – проговаривает с умным видом, еще и ручкой машет. – Завтла мы с тетей Килой пойдем в лабилит! – от радости хлопает в ладошки.

Понятно, тему летающих котлет можно закрывать. Попробую ее завтра разговорить после гуляний, а лучше пусть Кира попытается. Зато вечером у меня ребенок такой послушный, что даже страшно!

– Ксень, спать пора, – и моя егоза бежит ложиться. Даже зубки почистила и умылась без напоминаний. Вот что обещанные развлекашки делают!

– Ма, завтла зе, да? – спрашивает с надеждой.

– Завтра-завтра, – подтверждаю.

– Ула! – вскакивает и начинает прыгать. Ну что, мать, хорошего понемножку. Не без труда укладываю ее спать. Сама же еще занимаюсь домашними делами.

Завтра выходной, можно поспать. Но кто бы дал!

– Ма! – и маленькие пальчики лезут мне в глаз, чтобы его открыть. Перехватываю ручку дочурки. – Вставай! Плюспишь! Кила плидет сколо!

Нахожу взглядом часы. Угу, скоро. Время только семь! А Кира приедет к трем. Но мелкий ураганчик выпался и батарейка у нее полная. Вот бы мне столько энергии! Все как в песенке – в каждом маленьком ребенке, и в мальчишке, и в девчонке... Да-да, бегать, прыгать и вот это все.

– Спи, козочка, – прижимаю дочку к себе. – Рано еще. Тетя Кира сны смотрит.

– Уууу, – возмущенно тянет. – Соня, – ворчит на Киру и сама укладывается рядом со мной. – Опоздаем же.

– Не опоздаем, – накрываю ее своим одеялом. – Немножко полежим и встанем.

Сопит, вошкается, но укладывается. Буквально пара минут и снова спит. И я вместе с ней. Посыпаемся мы уже позже. Заставляю ее позавтракать, а потом начинаются великие сборы. Мне-то собраться – только подпоясаться. Но Ксенька тщательно перебирает наряды с деловым видом. Это же целый выход в свет практически.

Удалось отговорить от платица, потому что Ксенька потом захочет в детскую комнату, а там горки, качельки и прочее. Наконец, наряжается в яркие зеленые шортики с вышивкой и розовую футболку с блестяшками. Сочетается, не сочетается – я согласна на все. Лишь бы уже собраться. Делаем хвостики и выходим на улицу. Кира написала, что будет минут через десять, так что я смело выпускаю мелкую на площадку. Пусть хоть немного сбросит энергию. Иначе в автобусе покоя нам не будет.

– Тетя Кила-а-а! – с громким воплем летит Ксенька, завидев подругу.

– Привет, мелкая! – Кира ловит ее на руки и кружит. – Как дела?

– Холосе! – важно кивает егоза. – Идем быстрее! Хочу в лабиринт!

Едем в центр города, там в торговом центре находится зеркальный лабиринт. Я туда не пойду – голова кружится. А Кире с Ксенькой нормально. Пропадают на полчаса. Только фотки мне шлют.

Довольная мелочь уносится в детскую комнату и тут же мчится на пластиковую горку. Мы с Кирой усаживаемся на диванчик. Подруга смотрит так, что понятно – от разговора не отвертеться.

– Так ты мне расскажешь, – спрашивает, сверля меня взглядом, – или тебя пытать надо?

– Кир, я увольняюсь, – отвечаю и выдыхаю. Ну вот, начало положено.

– Как? Когда? Почему? – встревоженная Кира засыпает меня вопросами.

Прикрываю на секундочку глаза. Собираюсь с силами. А потом начинаю говорить...

Глава 8

– Вот так вот, – заканчиваю свою речь со вздохом. – Так что мне бы зарплаты дожидаться и я уйду.

– Написать на него заяву, – Кира зло сверкает глазами. – Рассказать начальникам выше, – от избытка чувств стучит кулачком по диванчику.

– А толку? – машу рукой обреченно. – Скажет, что я сама к нему пристаю и предлагаюсь. Мать-одиночка, денег захотела и тому подобное.

– Вот уж правда – Боров, – шипит Кира. – Старый хряк, а все туда же. Ох, Улечка, – гладит меня по плечу, – а к отцу Ксеньки обратиться за помощью не хочешь?

Дергаюсь, как от удара. Отстраняюсь. В глазах сразу же паника.

– Н-нет, – отрицательно машу головой. – Сама справлюсь.

– Ты же знаешь, какие сплетни у нас ходят? – опять заговаривает Кира. – Что ты вообще неизвестно от кого залетела. И понятия не имеешь, кто отец Ксеньки.

– Да какой он отец? – вздыхаю. – Донор спермы и все. Конечно, я знаю, от кого забеременела. Но Ксенька только моя.

– Жить на что будете? – Кира в волнении кусает губы. Бросает тревожные взгляды на мою дочку.

– Найду новую работу, – отвечаю, стараюсь улыбаться, но, кажется, выходит все равно грустно. – Да и есть небольшая заначка. Не шиковать, конечно. Но пару месяцев протянем.

– Бли-ин, – тянет Кира, – такая она у тебя классная, а папка и не в курсе. Такой козел?

По глазам Кире вижу, что ей интересно. Но произносить имя Верховцева я не собираюсь. Ну его. Береженого, как говорится, бог бережет. Бросаю взгляд на дочку. Лепит что-то из кинетического песка под присмотром сотрудницы.

Лапулька моя. Надеюсь, простуды начнут сходить на нет. Конечно, совсем нам от болячек не избавиться, но хотя бы чуть реже и не так тяжело. Поворачиваюсь к Кире.

– Козел, – пожимаю плечами. И единственное дополнение, которое себе позволяю: – И мать у него кобра натуральная.

– Понятно, – Кира хмурится. – Потом куда, в пиццерию? Слопаем чего-нибудь вредного. Накинем жирка на бока.

– На твои бока не прилипнет, – усмехаюсь.

Больше мы тревожные темы не поднимали. Ксенька набегалась, потому мы посидели в пиццерии. И в теплых вечерних сумерках поехали домой. Вымотанная Ксенька сидела у меня на руках и обнимала за шею, положив голову на плечо. Кира, не менее уставшая, тоже поехала домой. Девчонки умотали друг друга.

Зато я смогла отдохнуть. Я просто наблюдала за их беготней, спокойно сидя на лавочке. Главное – не мешать им. Так что, быстро искупав дочку, усадила ее на кровать смотреть мультики. Она сразу же ложится на подушечку и закрывает глазки.

Сто раз спасибо Кире, что умотала эту непоседу. И я могу спокойно делать свои дела, пока моя егоза спит. Стирка, глажка, да мало ли дел. Зато в воскресенье весь день свободна и мы с дочуркой вместе готовим, потом гуляем. Ксения лихо носится на самокате со стайкой таких же безбашенных малявок. Мамам и бабушкам только за сердце оставалось хвататься.

– Ма! – кричит Ксения. – Исе!

– Ну нет, – ловлю ее на очередном круге. – Домой. Мыться и спать. Завтра в садик. Понедельник.

– Ууу, – гудит недовольно и поджимает губы.

– Идем, – смеюсь. – Тебе завтра на свою работу, мне на свою.

Пока еще мою работу. Недельку я продержалась. Еще одну и до свидания.

Утром как обычно отвожу дочку в садик. Немного покапризничав, она соизволяет собраться. Но делает все с видом королевишны. Я же еду в офис. И первая половина дня проходит спокойно. Мне бы и эту недельку так спокойно провести, вот только все, моя удача закончилась.

– Ульяночка, – Боров выскакивает в коридор как черт из табакерки, – ты подумала?

– Я... я... – мямлю. Верчу головой. Как назло – в коридоре пусто. – Я не думала, что вы серьезно.

– Так подумай, – протягивает свою руку и гладит меня пальцами-сардельками по запястью. – До пятницы подумай. Я тебе и так на уступки иду. Куда уж тянуть.

Киваю, как болванчик. А у самой сердце грохочет. Едва сдерживаюсь, чтобы не отдернуть руку. Мерзко. Противно. Так противно, что аж тошнота подступает.

Слышу позади себя шаги и Боров отдергивает руку. Сверлит меня предупреждающим взглядом. Чтобы молча стояла.

– Так вот, – взгляд мелких глазенок становится острым. – Пятница – крайний срок. Но можно и раньше.

Сглатываю. Мозги пока в отключке. Зарплата будет во вторник.

– Ты меня поняла? – спрашивает жестко. – Я жду твой положительный ответ. Иначе...

Недоговаривает. Да мне и не нужны слова. Я догадываюсь, что это были бы угрозы. Которые они не преминет выполнить. Киваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.